

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы / Отв. ред. О. А. Ганцкая, М. С. Кашуба, С. А. Токарев. М., 1987. 195 с.

В последнее время становится все более заметным привлечение социологических методов к этнографическому изучению соционормативной культуры, и прежде всего семьи и семейного быта. Однако оно намного больше затронуло эту область жизни народов СССР, нежели зарубежных стран. Тем важнее появление рецензируемой книги — первого в советской этнографии коллективного труда о зарубежной семье.

Книга состоит из четырех разделов, в которых рассматривается семья у четырех народов Восточной и Юго-Восточной Европы — болгар, поляков, румын и сербов, и предпосланных им двух более общих разделов — теоретического и историографического. Эти общие разделы выходят далеко за рамки этнографической фамилиологии народов европейских стран социалистического содружества и тем самым представляют особый интерес.

Теоретический раздел (автор О. А. Ганцкая) посвящен общим понятиям и принципам типологизации семьи. В журнальном варианте¹ он уже публиковался раньше и привлек к себе заметное внимание специалистов. Здесь прежде всего предпринят опыт рассмотрения семьи в качестве социальной системы или подсистемы, основой для чего послужили, как указывает сам автор, «исследования общей теории систем, системного анализа и системного подхода наряду с этнографическими, социологическими, демографическими и другими работами, посвященными именно проблемам семьи» (с. 5). Будучи такой системой, семья обладает характерной для нее структурой разных типологических вариантов и специфических функций. Как известно, понятие «структура семьи» в современной литературе не однозначно. Этнографы и демографы обычно включают сюда состав семьи (численный, поколенный, родственный, иногда также национальный и социальный), социологи — характер связей между членами семьи, т. е. внутрисемейные отношения². Автор, на мой взгляд, совершенно правильно синтезировал оба подхода, точнее обосновал такой синтез, так как он предпринимался и раньше. Подобного рода синтез обеспечивает не только большую полноту, но и большую глубину исследования объекта. Ведь такие показатели, как, скажем, поколенный или родственный состав семьи, сопрягаются с такими характерными для нее связями, как взаимоотношения между поколениями, категориями родственников и т. д.

Предложенное понимание структуры семьи важно еще и потому, что оно имеет большое значение для практических целей классификации и типологизации различных видов этой общности. Под классификацией автор имеет в виду построение систематики по какому-нибудь одному, а под типологизацией (вслед за Г. Л. Тульчинским и В. А. Светловым) — по набору существенных признаков, вскрывающих суть того или иного явления. Соответственно этому в виде примеров предлагаются следующие классификации: по признаку стабильности или исключительности — парная, моногамная и полигамная семья, по признаку числа брачных союзов — простая и сложная семья, по признаку внутренних взаимоотношений — авторитарная и эгалитарная семья и т. д. Примеры типологизации: авторитарная простая национально-однородная социально-смешанная семья с главенством мужа, эгалитарная простая национально- и социально-смешанная семья и т. п. Однако автор не только характеризует этот, несомненно, продуктивный подход, но и, пользуясь им, показывает логические основания наиболее распространенных в советской (а отчасти и зарубежной) этнографии и социологии эмпирически возникших систематик. Наиболее распространенные из них коротко рассматриваются. Это имеет уже операциональное значение как для последующих разделов рецензируемой книги, так и, шире, для нашей этнографической фамилиологии. Жаль только, что при этом вне поля зрения остались некоторые из недавно предложенных новых систематик, например различие С. И. Голодом «супружеских», «детоцентристских», «модернизированно-патриархальных» и тому подобных семей³.

В любом своем типологическом варианте семья выполняет определенные, неодинаково значимые для разных исторических эпох функции, и автор рассматривает основные функции современной

семьи. Их он выделяет пять. Это производство человека (включающее в себя биологическое производство и социализацию с инкультурацией), сексуально-эмоциональная сфера, экономическая жизнь (с входящей в нее производственной и потребительско-организационной деятельностью), экспрессивно-рекреационная область и воспроизводство этноса, т. е. «формирование национального самосознания детей в семье» (с. 12). Из них первые четыре, так или иначе выделяемые и другими исследователями, не вызывают сомнений, с пятой же дело обстоит иначе. На мой взгляд, эта функция представляет собой один из аспектов социализации, а если различать социализацию и инкультурацию⁴, то именно инкультурации. Выделять в особую функцию формирование у детей в семье национального самосознания — приблизительно то же, что выделять в качестве таких функций формирование самосознания классового, а применительно к прошлому — кастового, сословного и т. п. Конечно, можно понять этнографа, уделяющего особое внимание предмету этнографических исследований, но в теоретическом плане это внимание едва ли следует доводить до такой ситуации, к которой применим известный афоризм Козьмы Пруткина «специалист флюсу подобен». Ведь если этнографы включают в число основных особых функций современной семьи воспроизводство национального самосознания, то философы включают сюда на тех же таксономических правах воспроизводство нравственного сознания, медики — воспроизводство наследственных болезней, и так дело может пойти достаточно далеко. Однако эта представляющаяся ненужной инновация — единственная маленькая неудача в серьезном, теоретическом и методически значимом разделе О. А. Ганцкой.

Следующий раздел — краткий историографический обзор исследований семьи в зарубежной социологической и этнографической литературе (автор С. А. Токарев). Как и в других своих работах, С. А. Токарев впечатляет широкой эрудицией и умением упорядочить огромный разнородный материал. Раздел имеет также и теоретическое значение. Автор задается вопросом, почему в последнее время оживился интерес к семье (только за 1900—1960-е годы на Западе опубликовано 12 тыс. посвященных ей книг и статей), и соглашается с теми авторами, которые связывают это, с одной стороны, с ломкой более широких социальных структур, с другой — с начавшимся падением рождаемости и тревогой за будущее самой семьи. Далее рассматриваются существующие точки зрения на степень изменчивости семьи в процессе социальных изменений и показывается несостоятельность антиисторического подхода к ней как к некоей биологической константе. В подразделе о семье и браке систематизируются различные взгляды на соотношение этих двух институтов и сопоставляются сильные и слабые стороны имеющихся концепций. Наконец, в подразделе о типах семьи, сюжеты которого отчасти перекликаются с сюжетами предыдущего раздела О. А. Ганцкой, центральное место занимают вопросы об историческом соотношении большой и малой семьи, а также о будущем этой ячейки общества. Изложение их объективно историографическое, но местами, если не в тексте, то в подтексте, проскальзывает известный и по другим работам С. А. Токарева (а также по его устным выступлениям) живой интерес к возможностям возвращения к каким-то формам большесемейных связей. «Оживление научного интереса к большой семье вызвано, быть может, общественными мотивами, подобно тому как это было прежде с изучением малой (нуклеарной) семьи: когда последняя стала все яснее обнаруживать признаки слабости и неустойчивости, научная мысль невольно обратилась к той форме семьи, которая прежде казалась оплотом общественной прочности и долговечности» (с. 27). Все это перекликается с усилением внимания к будущему семьи, так заметным в последнее время в нашей социологической литературе и публицистике (Ю. Рюриков о «биархате», Л. Жуховицкий о «традиционных» и «нетрадиционных» формах семьи и т. д.), но едва ли может рассматриваться как поиск реальной альтернативы, учитывающей объективные социально-экономические, культурные, психологические и иные процессы нуклеаризации семьи, а отчасти, видимо, и дефамилиализации, характерные для индустриальных урбанизированных обществ.

Разделы о семье у четырех народов европейского социалистического содружества, как это и отмечено во введении к книге, ни в своих названиях, ни в структуре, ни соответственно в значительной мере в содержании не следуют строго определенному плану. Основные темы, разработанные в разделе о сербах (авторы Ю. В. Бромлей и М. С. Кашуба), — семья и общество, этнодемографическая и социально-экономическая характеристика основного массива сербского населения, вступление в брак и рождаемость, типы и структура семьи, внутрисемейное разделение труда; в разделе о болгарях (автор Л. В. Маркова) — социально-экономические, демографические и этнокультурные изменения при социализме, современные проблемы семьи и их изучение, семья в прошлом, понятие семьи и ее состава, внутрисемейные отношения и функции семьи; в разделе о румынах (автор Э. А. Рикман) — семья, общество и государство, историография, заключение и расторжение брака, состав семьи, внутрисемейные отношения и родственные связи; в разделе о поляках (автор О. А. Ганцкая) — основы образования семьи, ее структура и типы, ее функции, ее родственные связи и родственная взаимопомощь. Вместе с тем авторский коллектив стремился получить сопоставимые материалы по основным параметрам изучения семьи, таким, как ее типы, структура и функции. За пределами этих параметров, таким образом, остались лишь некоторые крупные вопросы, главным образом формирование семьи и ее место в социальной среде, однако и они рассмотрены если не у всех, то у той или другой части изученных народов.

Результаты сопоставления подытожены в кратком, но содержательном заключении к книге (автор О. А. Ганцкая). Сходные социально-экономические процессы, протекавшие и протекающие у всех четырех изученных народов, обусловили сходные тенденции в развитии семьи и близости ее основных характеристик. Если еще в конце XIX — начале XX в. типы семьи у этих народов заметно различались по степени своего распространения, то теперь у всех приблизительно одинаково преобладает нуклеарная семья. Лишь какое-то время из-за материальных соображений,

реже, по традиции молодожены продолжают жить с родителями, причем теперь как патрилокально, так и (хотя и реже) матрилокально. Это обстоятельство помимо, разумеется, свойственного всем современным развитым обществам противоречия между профессиональными и семейными ролями женщины — одна из причин падения рождаемости, преимущественного распространения семей с одним-двумя детьми, снижения среднего размера семей.

Интересны выводы, касающиеся современных внутрисемейных отношений. При общей далеко продвинувшейся демократизации семьи, обусловленной теми же причинами, что и в других развитых странах, все же наблюдается сохранение некоторых этикетных черт, «традиционно подчеркивающих уважение женщины к мужчине» (с. 194). Только ли в традициях, т. е. в данном случае в остаточных явлениях патриархального быта, здесь дело? Мне уже приходилось развивать аргументацию против футурологических прогнозов грядущего матриархата¹. Теперь я задаюсь вопросами: биологические и в какой-то мере обусловленные ими социальные аспекты полового диморфизма, статистически большая экономическая и общественная активность мужчин, проекция на семейный быт их опять-таки статистически преобладающих общественных статусов — при всех этих обстоятельствах может ли когда-нибудь стать *общей нормой* не только матриархат, но и «биархат»? И могут ли коренным образом измениться семейные традиции уважения женщины к мужчине? Думается, что едва ли. Не исключено, что в общественном быту по-прежнему будут оказываться этикетизированные знаки внимания женщине, а в более интимной сфере семейного быта этот специфический «кавалерский» этикет останется менее заметным, чем так или иначе подчеркиваемое признание роли мужа и отца семейства.

Автор заключения обращает внимание и на различия в современном семейном быту изученных народов. Так, у сербов, особенно в селах, чаще наблюдается отрицательное отношение к выполнению мужчинами «непрестижных» женских работ. Внимательное сопоставление данных о четырех изученных народах позволило бы сделать и некоторые другие выводы этнодифференцирующего свойства. Однако не может не давать себя знать и то, что предпринятое этнографическое и этносоциологическое изучение не велось по единой программе, рассчитанной на прямые сопоставления, и что далеко не ко всем сторонам семейного быта этих народов применялись количественные методы. Да и там, где авторы четырех разделов о народах обращаются к одним и тем же сюжетам, они делают это по-разному. Скажем, в разделе о румынах скупом упоминается, что семья имеет сексуальную функцию, в разделе о болгарях привлекается внимание лишь к семьям матерей-одиночек и в связи с этим к общественному мнению о таких матерях и лишь в разделе о поляках содержатся несколько более подробные сведения о внебрачной половой жизни. Вообще в этом отношении книга оставляет впечатление, что сексуальная жизнь изучаемых народов, как и в предшествующие десятилетия, если не целиком, то в основном табуирована для публикаций. Не настало ли время покончить с таким положением, когда только один И. С. Кон ведет борьбу с твердо сложившимся у отечественных издательств убеждением, что человечество занято лишь приличной с их точки зрения деятельностью, а размножается почкованием? Можно было бы подметить и другие традиционные лакуны, обедняющие выявление этнографической специфики и ее сопоставление. Например, на то, что, как правило, обходится молчанием влияние традиционной религии и духовенства на особенности семейного быта и только опять-таки применительно к полякам очень коротко сообщается о победе контрацептивной революции над соответствующими предписаниями католицизма.

Однако говорить о том, чего не сделано, а не о том, что сделано, — далеко не лучший метод оценки. Сделано же авторским коллективом немало. Рецензируемая книга не только много дает в теоретическом и историографическом отношении. Она свидетельствует о заметном шаге в сравнительном изучении советскими этнографами семьи у народов зарубежных стран, в данном случае стран европейского социалистического содружества. Отвлекаясь от частных, ее нельзя не признать несомненной удачей авторов. Остается пожелать, чтобы подобные же исследования были распространены на народы других зарубежных стран и материков.

Примечания.

А. И. Першиц

¹ Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы // Сов. этнография. 1984. № 6.

² См. Янкова З. А. Городская семья. М., 1979. С. 23—24.

³ Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984.

⁴ Подробнее о соотношении этих понятий см.: Mead M. Socialisation and Inculturation // Current Anthropology. 1963. V. 4. № 12. P. 184 f.

⁵ Першиц А. И. Матриархат: иллюзии и реальность // Вестн. АН СССР. 1986. № 2.